

Вятская земля всегда была богата народными талантами. Много вышло отсюда умельцев-изобретателей, ученых и художников, артистов и музыкантов. Разные у них были судьбы и пути-дороги. Об одном из таких талантливых самородков — Степане Лаптеве рассказывается в очерке Ник. Васенев, который мы предлагаем читателям.

ПРЕМЬЕРА «ГРОЗЫ» была объявлена на воскресенье. Готовились к ней особенно старательно. Было доподлинно известно, что на спектакль пожелает сам вятский губернатор. В кассе уже за неделю не было ни одного билета.

И вдруг в пятницу, за два дня до премьеры, за кулисами с утра разнесся слух, что Кудряш зашил.

Антренер Валентин Арсентьевич, он же главный режиссер, он же царь и бог труппы, рвал на себе волосы и разражался такой руганью, что артисты в эти минуты старались не попадаться ему на глаза.

— Зарезал! Голову снял! Разорил! Выгони!

В гостиницу время от времени посылались гонцы, но ничего нового они не приносили.

— Запил, это точно, — сообщали они. — Вчера до трех ночи кутил в ресторане с молодыми купчиками, а потом вся веселая компания укатила куда-то.

А это уже по давнему опыту известно, что Кудряш «загудел» никак не меньше, чем на неделю. И тут уж ничего не поделаешь. А ведь на следующей неделе еще три спектакля с участием артиста Вартанова, этого злополучного Кудряша. Поневоле волосы будут рвать.

Артисты сочувствовали Валентину Арсентьевичу, но помочь ничем не могли. И вот в минуту, когда антренер ненадолго притих и лежал в директорском кабинете на диване с мокрым полотенцем на голове, к нему острожно заглянул суфлер Завилуйский, высокий горбоносый старик, в далеком прошлом блестящий актер, которого знала когда-то вся театральная провинция.

— Простите, Валентин Арсентьевич, что нарушаю...

— Что? Кто тут? — антренер быстро сбросил полотенце и сел, уставившись мутными глазами на старика.

— Простите, но дело можно поправить.

— Что поправить? Какое дело?

— Заменить артиста Вартанова. Кудряша может сыграть дружок.

— Что вы глупости говорите! Вы же прекрасно знаете, что дублера на эту роль в труппе нет. Полный провал!

— Но я думаю, что и сейчас дело поправимо. Напрасно волнуетесь. Вартанова можно заменить.

— Кем же?

— Я имею в виду здешнего жителя. Способнейший человек. Я слышал несколько ролей в его исполнении. Бесподобно! Правда, он еще не играл на большой сцене и его никто не знает. Кроме меня.

— Кто такой?

— Скромный молодой человек...

— И, конечно, шлет?

— Вот этого не замечаю...

— Чем занимается?

— Рабочий.

— Так он же наверняка безграмотный, а вы его на сцену. На нашу сцену!

— Что вы, Валентин Арсентьевич. Самородок! Относительно образования сказать ничего не могу, но начитанный человек, прекрасно понимает Островского. Работает в мастерских учебных пособий, лепит какие-то муляжи. Это тоже искусство своего рода. Ну и при всем этом большой поклонник театра. Осмелюсь рекомендовать его. Я над ним, в своем роде, попечительство имею.

Дорога к мечте

Ник. Васенев

У администратора, наконец, блеснуло в глазах некоторое прояснение и появилась осмысленность.

— А, черт с вами! Давайте сюда вашего гениального любителя. Но ведь до премьеры два дня, разве можно за такое время сыграть?

— Попробовать однако же...

— Ладно, тащите его. Что же вы стоите!

Часа через два Завилуйский вернулся. Следом за ним в кабинет вошел юноша среднего роста с копной светлых вьющихся волос, в коротковатом, видимо, рабочем пиджаке, помятых брюках. Он вежливо поклонился и стал у дверей.

Валентин Арсентьевич, нервно шагавший все это время из угла в угол, остановился посредине кабинета и пронзительным взглядом уставился на пришельца.

Тот ни капельки не смутился и не отвел взгляда, только привычно встряхнул головой, откидывая волосы назад. Во всей его, хоть и скромно одетой, фигуре и в выражении лица сквозило что-то независимое, уверенное, спокойное. Все это моментально заметил Валентин Арсентьевич своим наметанным взглядом. «По внешности, кажется, подходящий парень».

— Здравствуйте, голубчик, приходите, садитесь.

— Ничего, не беспокойтесь, я постою.

— Наш уважаемый Василий Иванович, — тут он кивнул в сторону Завилуйского, — рекомендовал мне вас как большого театрала и даже как артиста...

— Ну что вы, какой я артист, я просто любитель этого дела и, как говорится, большой почитатель Островского.

— Вот это приятно, это нам и нужно. Простите, ваша фамилия?

— Лаптев моя фамилия, Степан Лаптев. По батюшке — Петрович.

— Да, фамилия не театральная, не для афиши, так сказать.

— Это верно, не для афиши. Фамилия моя самая вятская. И отец мой и дед лапти плели. И я умею.

— Ну, не важно, с фамилией дело поправимо. Скажите, молодой человек, вы роль Кудряша представляете себе?

— Как же, наизусть знаю, играл в любительском кружке.

— Вот и прекрасно. Не сможете ли вы оказать нам услугу. У нас, понимаете, неожиданно заболел артист, а на носу премьера. Не отменять же ее. Мы вам хорошо заплатим...

— Ну что вы, дело не в деньгах, но сумею ли я сыграть с настоящими артистами, право, не знаю.

Степан в нерешительности посмотрел на старого суфлера. Тот из-за спины антренера делал ему какие-то знаки.

— А давайте мы сразу и попробуем, так сказать, вчерне, — предложил Валентин Арсентьевич, — подайте нам несколько реплик.

— Ну что ж, если вы желаете...

Степан с минуту помолчал, потом тряхнул кудрями, вскинул голову, и тут произошло что-то

удивительное. Перед Валентином Арсентьевичем стоял как будто другой человек. Скромности в его облике как не бывало. В выражении лица появилось что-то озорное, самоуверенное, даже нахальное. Глаза вспыхнули плутовской хитростью, и голос зазвучал совсем иначе.

«Вчетвером, этак, впятером в переулке где-нибудь поговорили бы с ним с глазу на глаз, так он бы шелковый сделался. А про нашу науку-то и не пикнул бы никому, только бы ходил да оглядывался».

Тут Валентин Арсентьевич подкинул Степану реплику:

«Недаром он хотел тебя в солдаты-то отдать».

«Хотел, да не отдал, так это все одно, что ничего. Не отдаст он меня: он чует носом-то своим, что я свою голову дешево не продам. Это он вам страшен-то, а я с ним разговаривать умею».

«Ой, ли?»

«Что тут: ой ли! Я грубиян считаюсь, за что же он меня держит? Стало быть, я ему нужен. Ну, значит, я его и не боюсь, а пущай же он меня боится... Нет, уж я перед ним рабствовать не стану».

Валентин Арсентьевич вскочил с кресла, подбежал к Степану и схватил его за плечи. Всего несколько минут, всего несколько фраз, но он уже понял, что перед ним настоящий Кудряш.

— Голубчик! Спасибо! Порадовал!

И потом, обернувшись к старому суфлеру, крикнул:

— На сцену! Звать всех на репетицию!

СПЕКТАКЛЬ В ВОСКРЕСЕНЬЕ СОСТОЯЛСЯ. Театр был переполнен. А через день в местной газете появилась благожелательная рецензия, в которой среди уже известных артистов был упомянут и «молодой, подающий большие надежды актер С. Лаптев».

А дальше все пошло так, как и следовало ожидать. Валентин Арсентьевич посоветовал Степану оставить работу в мастерских и перейти к нему в труппу.

Конечно, впереди предстоит беспокойная бродячая актерская жизнь, но ведь Степан пока вольный человек, ни жены, ни детей у него еще нет. А впереди — известность, слава и приобщение к великому искусству.

И Степан Лаптев согласился.

Теперь в театральных афишах и газетных рецензиях его фамилия писалась уже иначе — не Лаптев, а Ларнес. Ни сам Степан, ни его товарищи по сцене не знали, что это за слово, откуда оно взялось и какое отношение имеет к Степану. Но это никого не смущало, таков, оказывается, неписанный театальный закон, если недоволен своей фамилией — придумывай любую, лишь бы она была благородной и красивой.

Придумал эту новую фамилию для Степана сам Валентин Арсентьевич. И, увидев первое смущение и растерянность Степана, он успокоил его:

— Не важно, что означает слово, зато оно звучит — Ларнес! И не напоминает эти самые... лапти.

Степан долго не мог привыкнуть к своей новой фамилии и внутренне часто смущался и даже краснел от такого сочетания: Ларнес — из Подрелья.

Есть на реке Вятке такое село Подрелье, но никаких Ларнесов там покоя веков не водилось. Вот Лаптевы — дело другое, уважаемые были люди.

А родное Подрелье Степан часто и с любовью вспоминал везде,

где бы ни оказался, в какой бы городок ни забросили его актерские пути-дороги. А побывал он с труппой уже и в Костроме, и в Вологде, и в Нижнем Новгороде на ярмарке, и в Перми.

А потом его театральная карьера совершенно неожиданно закончилась, так же неожиданно, как и началась. И не успел он стать знаменитостью.

Это произошло на Дальнем Востоке в одном крупном приморском городе. Труппа Валентина Арсентьевича играла здесь с успехом. Публики было достаточно, и отзывы в печати приличные.

Все шло хорошо, как будто ничего и не предвещало беды. А она все-таки пришла.

Был спектакль. В последнем действии Степан не участвовал, в конце третьего его «убили», и теперь он шел за кулисы разгримировываться. Даже напевал что-то вполголоса. Настроение было прекрасное, публика здесь уже узнала его и даже полюбила. Чего еще можно желать молодому актеру?

И вдруг Степан услышал крик. Женский крик из-за двери, мимо которой проходил. Степан остановился и прислушался. Нет, это не тот обычный шум, а иногда и разноголосый вопль, каких немало услышишь за кулисами, когда артисты готовят роли. Это был женский крик о помощи. Настоящий, не театальный.

Степан метнулся к двери, дернул за ручку, но дверь не поддавалась. Крик снова повторился. Степан узнал по голосу молодую артистку Таню Соболеву. Ну конечно, она обычно гримируется в этой комнате. Степан ухватился обеими руками за ручку, уперся ногой в косяк и сильно рванул на себя. Внутренний крючок сорвался, и дверь распахнулась.

(Продолжение следует).